

Ричард Джонсон был терпеливым человеком. Он должен был быть с таким же именем, как его. Он был спокойным, уравновешенным человеком, который обычно жил по правилам и строил разумные планы на будущее. Он был ответственным, надежным и осторожным. В течение двух лет и трех месяцев он был любящим мужем, и с тех пор семнадцать лет он был хорошим, любящим отцом для своей дочери. Это не значит, что он был обычным человеком. Он жил очень необычной жизнью. Он всегда был чем-то вроде шутки и играл в футбольную команду в своей школе. Когда ему было восемнадцать, он женился на своей школьной возлюбленной. К сожалению, он не был достаточно впечатляющим, чтобы заслужить стипендию, как некоторые из его товарищей по команде, но вскоре он оказался в его ногах в неожиданной профессии. Профессиональная борьба. Первоначально он был неполный рабочий день, боролся в местном спортзале за сокращение билетов, пока он учился в колледже. Но когда его жена умерла, он бросил школу и бросился на работу, чтобы заработать необходимые ему деньги. В течение следующих восьми лет он поднялся на национальную сцену под именем «Надгробная плита». Костюм был немного смущающим, странная комбинация стиля костюма KISS и индивидуальности Лобо, с примесью Халка Хогана для хорошей меры. В то время как его сотрудники тратили свои состояния на большие дома и расточительность, он инвестировал и экономил свои деньги. На восьмом году он получил травму колена и был вынужден уйти в отставку. С тех пор он проводил время дома, живя со своей дочерью, время от времени уходя на несколько дней, чтобы сниматься в рекламе или сниматься в кино. Он бросил школу и бросился на работу, чтобы заработать необходимые ему деньги. В течение следующих восьми лет он поднялся на национальную сцену под именем «Надгробная плита». Костюм был немного смущающим, странная комбинация стиля костюма KISS и индивидуальности Лобо, с примесью Халка Хогана для хорошей меры. В то время как его сотрудники тратили свои состояния на большие дома и расточительность, он инвестировал и экономил свои деньги. На восьмом году он получил травму колена и был вынужден уйти в отставку. С тех пор он проводил время дома, живя со своей дочерью, время от времени уходя на несколько дней, чтобы сниматься в рекламе или сниматься в кино. Он бросил школу и бросился на работу, чтобы заработать необходимые ему деньги. В течение следующих восьми лет он поднялся на национальную сцену под именем «Надгробная плита». Костюм был немного смущающим, странная комбинация стиля костюма KISS и индивидуальности Лобо, с примесью Халка Хогана для хорошей меры. В то время как его сотрудники тратили свои состояния на большие дома и расточительность, он инвестировал и экономил свои деньги. На восьмом году он получил травму колена и был вынужден уйти в отставку. С тех пор он проводил время дома, живя со своей дочерью, время от времени уходя на несколько дней, чтобы сниматься в рекламе или сниматься в кино. Костюм был немного смущающим, странная комбинация стиля костюма KISS и индивидуальности Лобо, с примесью Халка Хогана для хорошей меры. В то время как его сотрудники тратили свои состояния на большие дома и расточительность, он инвестировал и экономил свои деньги. На восьмом году он получил травму колена и был вынужден уйти в отставку. С тех пор он проводил время дома, живя со своей дочерью, время от времени уходя на несколько дней, чтобы сниматься в рекламе или сниматься в кино. Костюм был немного смущающим, странная комбинация стиля костюма KISS и индивидуальности Лобо, с примесью Халка Хогана для хорошей меры. В то время как его сотрудники тратили свои состояния на большие дома и расточительность, он инвестировал и экономил свои деньги. На восьмом году он получил травму колена и был вынужден уйти в отставку. С тех пор он проводил время дома, живя со своей дочерью, время от времени уходя на несколько дней, чтобы сниматься в рекламе или сниматься в кино.

Для мужчины 36 лет он был в отличной форме. Он должен был вписаться в костюм. Он стоял 6'4 ", с широкими, мощными плечами, мускулистыми руками и резко выраженным прессом. У него были короткие черные волосы, которые он причесал в костюме, острые голубые глаза и красивое лицо с квадратной, чисто выбритой челюстью. У него были искусственные усы,

которые он мог носить в костюме, его слишком часто узнавали, если он просто позволял этому расти. В этот момент его мускулистая фигура была завернута в деловую повседневную одежду - белую рубашку с воротником, которая обвивала его мышцы, черные брюки и, что хуже всего, галстук. Он ненавидел связи. В настоящее время он ехал домой на своей любимой машине - вишнево-красном мускулистом автомобиле с очень приятным ревом, когда он нажал на газ. Он позволял себе водить его только тогда, когда делал видимость. Он повернул колесо вправо и повернул на свою улицу, бросив взгляд на его дом. Это был не огромный дом, но он был достаточно велик только для него и его дочери. Два этажа, четыре спальни, большая кухня, готовый подвал с домашним кинотеатром и полным тренажерным залом, подземный бассейн и джакузи в задней части, а также гараж на две машины. И, что лучше всего, место было оплачено полностью, больше не нужно беспокоиться об ипотеке.

Обычно вид его дома через три дня был желанным зрелищем. Но недавно его возвращение из этих явлений вызвало у него чувство страха. В последние несколько месяцев он изо всех сил пытался разобраться с фактом, который с каждым днем становится все более очевидным. У дочери было жарко. Невероятно жарко Осознание пришло довольно внезапно, и он боролся с чувством вины, которое оно ему причинило. Он был хорошим отцом шестнадцать лет, и внезапно он не мог не заметить ее тело. Каждый раз, когда он возвращался, она была более зрелой, более красивой. Соблазн действовать в соответствии с этими наблюдениями съедал его живьем, но он знал, что должен сопротивляться этому, отбиваться от него и игнорировать его. Он знал, что он думал, что это неправильно на многих уровнях, и поэтому он боролся с этим изо всех сил,

Когда он въехал в гараж, и он закрылся за ним, он вздохнул. Поднявшись, он зацепил палец за галстук и потянул его вниз, ослабляя деловую петлю, когда вылезал из машины и пробирался внутрь. «Я дома!» - позвал он дома, полностью стянув галстук, бросая его через плечо, и начал расстегивать рубашку. Вскоре он открыл ее, обнажив свои мощные грудки и белую рубашку без рукавов, которую он носил под ней. Он скатал его с плеч, обнажив мощные плечи и толстые бицепсы, мускулы, достаточно большие, чтобы вместить софтбол внутри. Он бросил рубашку на спинку стула, расстегнул ремень и сбросил туфли и брюки, оставив его только в боксерах и футболке. «Саманта?» - с любопытством крикнул он.

Слушая внимательно, он слышал, как она разговаривает с кем-то по телефону в ее комнате. Он мало что слышал, но слышал, как она хихикает и ругает ее подругу. Наверное, Анна, у этой девушки было грубое чувство юмора. Он услышал, как она снова начала двигаться, и она вышла из своей комнаты и побежала вниз по лестнице. «Папа!» - крикнула она с широкой улыбкой. На мгновение он снова увидел ее, как свою маленькую десятилетнюю девочку, бегущую по той же лестнице с той же улыбкой в рождественское утро. Но иллюзия лишь указала на то, насколько она изменилась. Ее длинные черные волнистые волосы были распрямлены в шелковистые прямые локоны. На ее пухлых, мягких губах была черная помада, которая заставляла их мерцать на свету. На ней был какой-то наполовину черно-фиолетовый корсет, который превращал ее сногшибательные груди в ошеломляющие сиськи, океан кремового, бледного расщепления, но все же обнаживший ее гладкий, слегка подтянутый живот, в том числе ее кольцо пупка с мягким пурпурным камнем, свисавшим с него. Она была одета в черно-фиолетовую мини-юбку, которая, по его мнению, едва ли считалась поясом, что практически не мешало ее расклеванным бедрам и сочно сочной заднице. Где-то там должен быть ремешок, рассуждал он себе, хотя и не видел никаких признаков этого. И в довершение всего она была одета в черно-фиолетовые чулки в полоску до бедра, черные и фиолетовые полосатые перчатки без пальцев и предплечья, черные кожаные туфли с пряжками по колено

и каблуки, классический сексуальный готический ботинок. Она была одета в черно-фиолетовую мини-юбку, которая, по его мнению, едва ли считалась поясом, что практически не мешало ее расклешенным бедрам и сочно сочной заднице. Где-то там должен быть ремешок, рассуждал он себе, хотя и не видел никаких признаков этого. И в довершение всего она была одета в черно-фиолетовые чулки в полосу до бедра, черные и фиолетовые полосатые перчатки без пальцев и предплечья, черные кожаные туфли с пряжками по колено и каблуки, классический сексуальный готический ботинок. Она была одета в черно-фиолетовую мини-юбку, которая, по его мнению, едва ли считалась поясом, что практически не мешало ее расклешенным бедрам и сочно сочной заднице. Где-то там должен быть ремешок, рассуждал он себе, хотя и не видел никаких признаков этого. И в довершение всего она была одета в черно-фиолетовые чулки в полосу до бедра, черные и фиолетовые полосатые перчатки без пальцев и предплечья, черные кожаные туфли с пряжками по колено и каблуки, классический сексуальный готический ботинок.

Она подбежала к нему и бросилась на него, прижимая свои титанические сиськи к его широкой, мощной груди и обнимая его шею, ласково нюхая. «Папа! Я так рад, что вы вернулись домой вовремя! Я не хотел уходить, пока ты не вернулся. Он вернул объятия, стараясь изо всех сил не допустить, чтобы его руки были особенно эротичными, но с таким телом, как у нее, это было проблемой.

«Ой, я тоже скучал по тебе, детка. Куда ты направляешься? - спросил он, пытаясь немного оторваться от объятий. Она позволила ему отступить, но сплела пальцы за его шеей, пока не отпускала его. Это только усугубляло проблему, когда она смотрела ему в лицо, он смотрел прямо в эту неизбежную долину расщепления.

«Я иду на вечеринку у Анны. Это готическая тема, и я хочу хорошо выглядеть. Она ухмыльнулась, наконец отпустив его. Она сделала шаг назад и покрутила, демонстрируя свой наряд. Поворот поднял юбку достаточно высоко, чтобы показать более половины ее задницы, которая выглядела еще более удивительно, чем обычно, благодаря этим ботинкам. Он подавил свои жалобы, сдерживая свои инстинктивные защитные побуждения. Это то, как девушки одеваются в эти дни, сказал он себе, бороться с ней за это просто придаст ей решимости, а потом она пойдет на вечеринку в поисках плохого поведения.

Он заставил свой рот улыбнуться. «Ты прекрасно выглядишь, детка. Очень готично», - прокомментировал он, подбрасывая ей большие пальцы. «Я, наверное, просто собираюсь остаться, выпить пива и посмотреть телевизор», - ответил он, указывая пальцем на кухню.

Она улыбнулась на это. "В самом деле? Звучит как сумасшедшая ночь, папочка. Тебе нужно повеселиться! - она усмехнулась, закатывая глаза. «Но я знаю, что ты хочешь расслабиться после поездки. Садись, я возьму у тебя пиво. - сказала она, подталкивая его к дивану и уходя на кухню.

«Разве тебе не нужно уходить на вечеринку?» - спросил он, оглядываясь через плечо. Он не мог не наблюдать за ее сексуальным задом, когда она уходила, прежде чем покачать головой и ругать себя. Глядя на свою дочь, как кусок мяса. Тебе должно быть стыдно. Он зарычал на себя. Тем не менее ... маленький дьявол в нем прошептал: " Она выглядит потрясающе, вся в пижаме ...

" Хм ... Со мной все будет хорошо. Это не на другой .. полчаса. Она перезвонила с кухни.

«Хорошо, тогда», - ответил он и потянулся к пульту. Он включил телевизор и попытался

заставить замолчать свой внутренний монолог внешним монологом комика. Человек по телевизору ходил взад и вперед по сцене, сердито разглагольствовал о гонке, хотя Рич не мог понять, откуда она началась.

За ним последовал знакомый стук в дверь холодильника, и через несколько секунд кушетка дико затряслась, когда его маленькая девочка подпрыгнула на спине и приземлилась на сиденье рядом с ним с злобной усмешкой. Он посмотрел на нее и заметил, что она ничего не держит. Он повернулся к ней с выгнутой бровью. «Вы что-то потеряли?» - спросил он с легким юмором.

Она хихикнула. «Нет, папа, я понял это прямо здесь!» Сказала она и повернула к нему верхнюю часть тела, слегка наклонившись вперед. Его глаза, следуя за движением, упали на бутылочную крышку, едва выходящую из долины ее расщепления. «Видишь, папочка? И это идет с твоим личным подстаканником!

Силы желания и воли интенсивно сталкивались в его голове в этот момент, его глаза были прикованы к этой маленькой блестящей крышке от бутылки посреди всей этой гладкой, кремовой плоти. Он сглотнул, затем заговорил, его голос едва заметно дрогнул. «Очень смешно, Сэм, просто... дай мне пиво», - сказал он ей, пытаясь заговорить так, будто не представлял ощущения этих мягких, мягких курганов.

Она снова ухмыльнулась и положила руку ему на плечо, широко раскинув ногу и уселась, чтобы оседлать его колени, ее глаза были прикованы к нему, ее сливочное растрескивание быстро поглощало все его внимание. «Давай, папа, это все твое. Все, что тебе нужно сделать, это протянуть руку и взять это ». Она сказала, ее голос внезапно стал менее легким и знойным.

Он снова сглотнул. Он почувствовал сдвиг в своих боксерах, пробуждение монстра. Он перевел взгляд с крышки бутылки на глаза своей дочери, затем снова вернулся. Он знал, каков был правильный выбор, все, что ему нужно было сделать, это уйти. Черт, просто отвести взгляд было бы хорошим шагом. Но он обнаружил, что больше не контролирует ситуацию. Он увидел, как его рука медленно поднимается, приближаясь все ближе к тем запретным плодам, которыми командует нечестивое желание. Он боролся, чтобы остановить это в своем разуме, но это было вне его контроля. Рука пыталась схватить бутылочную крышку двумя пальцами, едва избегая контакта с ее молодыми сиськами. Но они не могли справиться с этим, они слишком сильно дрожали. Все еще на автопилоте, Его рука погрузилась глубже, впервые ощутив невероятную мягкость, гладкость ее массивных сосков, когда они резко контрастировали с холодным, жестким стаканом бутылки. Его пальцы обвили вокруг тонкого узкого места и потянулись, медленно извлекая его из мягкой плоти. Она была почти полностью поглощена ее грудью, затерянной в долине плоти. Когда он прояснил хватку насыпи его дочери, он не мог не заметить, как сгущение заставило ее расщепление мягко блестеть на свету.

Его глаза никогда не покидали этот разрез, когда она мягко покачала плечами, заставляя ее сиськи заманчиво дрожать. Он вытолкнул верх пива и выпил длинный, глубокий напиток, не в силах отвести взгляд от гипнотического вида. Прежде чем он знал это, бутылка была слита. Он посмотрел на него, транс нарушен, затем снова посмотрел на лицо своей дочери. Она снова улыбнулась. «Давай, папочка. Положи его обратно. Используй меня. Она предложила свой голос, мягкий и умоляющий. Ее руки поднялись под ее сиськи, чтобы поднять их еще больше. Его рука снова сработала на автопилоте, подняв пустую бутылку до ее расщепления и

медленно выдвинув ее вперед, и бутылка без усилий стала поглощаться гладкой кремовой плотью. Она слегка вздохнула. «Холодно, папочка...» тихо пробормотала она.

Он издал невольный стон, когда что-то горячее и быстро растущее достигло ее сзади снизу. Она хихикнула. «Это для меня, папочка?», - застенчиво спросила она, шевеля бедрами против выпуклости, поднимающейся снизу.

Он снова застонал и слабо покачал головой. «Сэм, это неправильно, это так неправильно... мы не можем...» Он изо всех сил пытался возразить, но его сила воли оставляла его, когда его нижняя голова начала брать контроль.

Она приложила палец к его губам и подтолкнула его. «Все хорошо, папочка. Я хочу этого. Она прошептала и наклонилась, чтобы поцеловать его. Он боролся за полсекунды, прежде чем его сила воли сломалась. Наблюдатель может даже увидеть момент, когда его тело расслабилось в поцелуе. Его руки пошли вперед и обвились вокруг ее тонкой талии, плотно прижимая ее тело к его, ее грудь прижималась к его могучей груди, когда он целовал ее спину, не так, как отец целует дочь, а так, как целуют влюбленные. Ее язык двигался вперед, раздвигая ее черные губы и скользя ко рту, и он мог только ответить взаимностью. Их языки кружились и танцевали вместе в горячем, страстном поцелуе. Его свободная рука бродила по югу, поднимая ее юбку и, наконец, схватила горстку этой упругой, восхитительной задницы, которая так долго насмехалась над ним.

Зверская выпуклость внизу становилась все больше и больше, как и его возбуждение, теперь напрягая ткань его боксеров, угрожая полностью оторвать их. «О, Боже, Сэм!» - простонал он, когда наконец сломал поцелуй, пальцы впились в ее податливую задницу, когда он разминал ее обильную добычу. Она улыбнулась и покатила бедра, прижимая ее рывок к его напряженному монстру. Он почувствовал жар и влажность ее секса на своих боксерах и понял, что она на самом деле ничего не носила под этой крошечной юбкой. Его хватка на ее задней части немного усилилась, когда член снова поднялся.

«О, папа, это так здорово!» - простонала она, затаив дыхание, все еще прижимая свою голую киску к его мясистому члену, тонкая ткань его боксеров - единственное, что отделяет их обоих от совершения действия в этот самый момент. «Папа, мне это нужно! Мне нужно почувствовать этот гигантский член во мне! Сделай меня своей шлюхой, своей маленькой шлюхой! Она наполовину застонала и наполовину просила, одна рука поднялась, чтобы протиснуться своими невероятными сиськами через корсет.

В этом высказывании она изменила характер игры. Что-то проснулось внутри него, темная, доминирующая сила в глубине его сознания, которая быстро захватила контроль. Он потянулся к ее затылку и вплеп пальцы в ее волосы, его мощная рука потянула ее вперед в очередной поцелуй. Но это не было нежно и нежно, как другой, это был поцелуй хозяина, его губы доминировали над ее, когда его язык жестоко ударил ее по губам. Она снова застонала от поцелуя, ее собственный язык сдался его команде. Когда он отодвинулся после долгого момента, ее мягкие черные губы покалывали от силы поцелуя. Рука на ее заднице поднялась и тяжело опустилась, ударившись по спине жгучим ударом, ощущение, которого она не чувствовала много лет, шлепки. Ее глаза расширились, и она испуганно вздохнула. Когда рука отодвинулась,

«Итак, моя развратная маленькая девочка хочет быть шлюхой своего папы, а? Ты думаешь, ты

просто заслуживаешь вкус петуха, который сделал тебя, а? Тебе придется это заслужить. Он наполовину зарычал, дразнил, его рука все еще держала ее за волосы. Он использовал эту ручку, чтобы отвести ее от колен и до колен на полу, когда стоял над ней, его мясистое оружие напрягало его боксеров в нескольких дюймах от ее лица. «Покажи мне, как сильно ты этого хочешь. Поклоняйся члену своего папы. Он приказал ей.

Она вздрогнула от предвкушения. Это было все, что она себе представляла, и даже больше. Ее киска капала между ее бедер, прося внимания, но она проигнорировала это, ее разум был поглощен чудовищем, едва скрытым от нее. Дойдя до подола его боксеров, она начала стаскивать их, кончик ее маленького розового языка скользил по ее черным губам.

Первое, что было обнаружено, был корень монстра, окруженный его лобками. Это превзошло все ее ожидания, казалось, было шесть дюймов в поперечнике. Дюйм за дюймом она тащила боксеров дальше вниз, обнаруживая все больше и больше страшного фаллоса своего отца. Посмотрев на монстра на мгновение, она увидела пару чудовищных шариков, каждый мясистый шар размером с яблоко, и, судя по их взглядам, они буквально залились для нее океаном даддикума. По мере того, как боксеры все дальше и дальше спускались к его коленям, она начала задаваться вопросом, кончился ли когда-нибудь этот предмет. В этот момент голова выскользнула, и чудовище вскочило, пролетело мимо ее лица, а затем упало, упав на лоб, горячий и тяжелый. Петух перед ней поставить любой другой член, даже те, от порно, стыда. Такой большой, как двухлитровая бутылка, но даже длиннее одной, зверь был длиной в полтора фута, увенчанный расклешенной, в форме шлема головкой, опухший и красновато-пурпурный от его желания. Толстые, пульсирующие вены прослеживают его длину, пульсируя, когда они питаются кровью, чтобы питать титана.

Она почти пришла, увидев это. Она знала, что он был большим с тех пор, как поймала его, когда он дрочил три года назад. Она пыталась подготовить себя с помощью фаллоимитаторов и овощей, обучая свои дырочки проникать все глубже и глубже. Но его чудовище затмило даже ее самый большой фаллоимитатор, и оно пульсировало от гневного желания. "Ебена мать! Боже мой, папа, он такой огромный! Она застонала, нерешительно дотронувшись до него. Ее тонкие пальцы с их крошечными черными ногтями выглядели крошечными на фоне его размеров. Сжимая его, ее рука не могла пройти на полпути вокруг монстра, он был слишком толстым. Она нервно сглотнула, когда начала медленно поглаживать титана, чувствуя, как его твердость и жара пульсируют у ее ладони. «Папа, я тренировался достаточно, чтобы проглотить бутылку пива в горло, но ты слишком большой! Ты сломаешь мне челюсть!

Он усмехнулся и уселся на диван, его монолитный член выступал прямо перед ней, памятник мужественности, который взволновал ее до глубины души. «Ну, тебе лучше потянуться, моя маленькая шлюшка, потому что пока ты не проглотитшь каждый последний дюйм, ты никуда не денешься», - он злорадно ухмыльнулся.

Она подавила свое возражение, но она могла сказать, что он был серьезен. Поднявшись под мышку, она натянула скрытую молнию на корсет, пока она полностью не отсоединилась. Она на мгновение удерживала его на месте, когда вытащила его, давление сжимало ее сиськи на груди, заставляя их выглядеть еще больше и сочнее. Но когда она отбросила его, сиськи, встречавшие его глаза, были несопоставимы. Каждая массивная насыпь была размером с его голову, и они бросали вызов гравитации, твердо и высоко на ее груди, без усилий паря перед ней невозможно. Гладкая, безупречная кожа, горные вершины, покрытые мягкими розовыми

сосками, твердые маленькие бутоны размером с кончики пальцев ее мизинца и украшенные парой маленьких серебряных штанг, которые очаровательно блестели.

Она скрестила руки под своими насыпями, подняв их до выдающегося положения, когда она улыбнулась ему. «Они тебе нравятся, папочка? Я знаю, тебе нравятся большие сиськи, я видел, как ты иногда на них пялишься. Мои не такие большие, как у Анны, но они довольно большие, да? - она улыбнулась, наклонившись вперед, чтобы обернуть свои чудовищные насыпи вокруг его гигантской мясной палочки. Несмотря на огромные размеры, они покрывали лишь половину его мегакока, а оставшаяся длина вены составляла всего несколько дюймов от ее блестящих черных губ.

Он издал долгий стон, ощущение мягкости, окружающее его ствол. «О, детка, твои сиськи просто потрясающие», - прокомментировал он с ухмылкой. «Мне все же любопытнее, если это так», - добавил он, злобно ухмыляясь, потянувшись вниз и потянув за серебряные пирсинг, подбирая их между большим и указательным пальцами.

Она тихо застонала. «Надеюсь, ты не злишься на меня, папа, Анна рассказала мне пару месяцев назад», - объяснила она, звуча очень извиняясь.

Он улыбнулся. «Я думаю, что они чертовски сексуальны. Сделай так, чтобы ты выглядел, как маленькая шалунья, - добавил он, еще раз дразня ее нежными сосками, провоцируя еще один стон юной шлюхи на коленях перед ним.

Она знала, что ей делать дальше, но, скрестив глаза, чтобы сосредоточиться на жирной голове перед собой, она не могла не нервничать. Она боялась монстра перед ней, но беспомощно тянулась к нему, как мотылек к пламени. Ее губы мягко сжались, когда она подошла ближе и нежно поцеловала кончик члена ее папы. Она тихо застонала от вкуса его соленого масла, вкуса ее папы, отразившегося его стоном от ощущения ее пухлых, идеальных черных губ, соприкасающихся с его членом. Она оттолкнула их на мгновение, а затем отодвинулась, оставив небольшой черный след от поцелуя на расклешенной голове. Она застенчиво посмотрела на его лицо, прежде чем снова поцеловать его расклешенный шлем. На этот раз ее губы раздвинулись, ее язык скользнул по его чувствительной голове, когда она толкнула дальше вперед, ее губы широко растянулись вокруг расклешенной головы. Вскоре она достигла своего предела, едва не в силах впихнуть расклешенный выступ его ручки в ее рот. Она разочарованно застонала и отстранилась, глядя на своего папу. «Папа, это не подходит ... Мне нужна помощь». Она тихо скулила, ее глаза умоляли его о помощи.

Он торжественно кивнул и протянул руку, еще раз сжав пальцы в ее шелковистых черных локонах и обхватив ее затылок ладонью. Когда она еще раз наклонилась вперед, чтобы растянуть губы вокруг его члена, его мощная рука согнулась, заставив ее пройти мимо ручки, пока ее растянутые губы не окружили стержень, и вся голова не исчезла в ее рту. Она захныкала, глаза немного слезились, когда его рука оторвалась от ее головы, но она вытерпела, и она пошла на работу, качая головой. Сначала она едва двигалась, но вскоре она стала все более и более смелой и действительно начала долгий путь, чтобы проглотить каждый дюйм члена ее папы. Дюйм назад, два вперед, медленно, но верно она начала всё больше и больше втягивать своё горло. Она хорошо научилась подавлять рвотный рефлекс, но размер члена ее папы сделал путешествие трудным, ее горло невольно сглотнуло, доя его расклешенную голову. На полпути ей пришлось отступить, чтобы снова дышать, глаза снова наполнились напряжением, но она была полна решимости сделать это. Она снова опустилась

вниз, его массивный член растянул ее горло, когда она заставила ее голову вперед. Тем временем ее отец застонал и задохнулся от удовольствия ее устного нападения. Прошло много лет с тех пор, как любая женщина в последний раз могла проглотить его член, и ощущение было невероятным.

Ей пришлось сдвинуться, когда она прошла половину пути, стаскивая грудь с его члена, и она продолжала отталкивать все дальше и дальше с каждым толчком, только приходилось отступать, чтобы дышать, прежде чем вернуться к своей задаче. В общем, ей потребовалось десять минут сосания и усилий, чтобы наконец прижать ее нос к его бедрам, его массивные, заполненные спермой шары на ее подбородке. Она посмотрела на своего папу с водянистыми глазами, но в них был взгляд триумфа и похоти. Она снова пошла отступать, но обнаружила, что его рука снова вернулась к затылку, удерживая ее на своем толстом стержне. Он издал длинный стон, и вдруг она поняла, что происходит, ее глаза расширились. Семенные ящики размером с яблоко плотно прижались к ее подбородку, когда он начал кончать. Его ствол подпрыгнул и подпрыгнул, глубоко врезаясь в ее горло. У нее растянуто горло, она почувствовала, как толстая труба вдоль дна вздулась, когда выпуклость вырвалась по всей длине ствола, чтобы выстрелить из опухшей головы, как из пушки, бросив его толстое семя прямо в ее горло. Она издала задушенный стон вокруг его ствола, ощущения, как ее папа кончает ей в горло, почти настолько, что она кончает. Медленно, когда он пришел, он оттащил ее назад, каждый новый взрыв семян покрывал ее горло его сущностью. Наконец она отодвинулась до такой степени, что только голова все еще была у нее во рту. Массивный член выстрелил еще раз, утопив ее рот во вкусе его горячего сливочного семени. Она отчаянно пыталась проглотить то, что он предложил, но это было слишком для нее. Когда раздался следующий взрыв, он вырвался из уголков ее рта, и все же она изо всех сил пыталась проглотить его достаточно быстро. Но когда следующий рывок выстрелил, это было слишком много, и оно выскользнуло из ее рта, разбрызгивая огромные вспышки горячего белого отливания по всему ее лицу и грудям. Потоп продолжался, казалось, целую вечность, пока, наконец, не сузился, ее лицо почти скрылось под грязной маской кремовой спермы. Ему потребовалось время, чтобы подать последние несколько капель от его длины на ее протянутый язык, который она с готовностью приняла, притирая его.

Она вытерла толстую сперму с глаз и облизнула пальцы со злой усмешкой. «Папочка, у тебя вкусный вкус. Я сделал хорошо? - спросила она, застенчиво глядя на него.

Он посмотрел на свой член, особенно на кольцо с черной помадой, которое она оставила на самом основании его могучего жезла, и усмехнулся. «Ты отлично справился, малышка», - сказал он, затем оглянулся на свою грязную девочку, лизнувшую и высосавшую один твердый сосок, очищающий его груз. Он снял свою майку и предложил ее ей со смехом. «Давай очистим тебя», - сказал он, используя ткань как полотенце. Когда задание было выполнено, он ухмыльнулся, увидев, что ее макияж весь испачкан, смазан, работает и, как правило, разрушен. «Похоже, нам понадобится больше, чем рубашка, да?» Он покачал головой с усмешкой, когда его маленькая девочка надулась.

Он протянул руку и помог ей подняться на ноги с мягкой ухмылкой. «Хорошо, вы поднимитесь наверх и позаботитесь о своей косметике, я уберусь здесь и встречу вас там», - сказал он.

«Да, папа ~», прокомментировала она, закатывая глаза на то, как он снова походил на обычного старого папу. Затем ее глаза расширились, когда она почувствовала острый укус на заднице. Оглядываясь назад, он усмехнулся, выпрямившись после удара. «Двойное время, маленькая шлюха!» - упрекнул он, и она с хихиканьем начала двигаться. «Моя спальня, десять

минут! И надень сапоги! »- он ухмыльнулся, а затем повернулся и пошел на уборку.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://erolate.com/book/1347/39888>